

Вернер Зомбарт как критик техники

Александр Михайловский

Кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: amichailowski@hse.ru

В статье анализируется учение В. Зомбарта о генезисе и социальной сущности капитализма в аспекте культуркритики. Критика техники выделяется как специальный дискурс внутри культуркритики. *Первая гипотеза* заключается в том, что критика техники Зомбарта есть критика современного капитализма и требует рассмотрения в контексте фундаментальных философских и социологических дискуссий вокруг трансформации роли техники в культуре Германии накануне Первой мировой войны. Идеальный тип критики техники определяется инструментальной трактовкой техники и убеждением в том, что механизация и массовизация современного общества, отчуждение труда, психологическая деградация etc. суть следствия инверсии отношения «назначение/средство».

Вторая гипотеза заключается в том, что Зомбарт предлагает версию «другого модерна», которая означает попытку поставить технику на службу буржуазному порядку посредством ее подчинения этическим принципам. Принятие достижений техники сопровождается беспокойством по поводу ее негативного воздействия на общественную и частную сферу. Доклад «Техника и культура» (1910) ставит проблему «культурной ценности техники», дает определение отношений между отдельными явлениями современной культуры и предлагает баланс ценностей.

Третья гипотеза связана с объяснением этой версии «другого модерна» компенсаторным интересом (она не отвергает индустриализацию как таковую, а указывает на требующие исправления дефекты развития позднекапиталистического общества). В исследовании выделяются две *различные диахронные парадигмы* в консервативной мысли Германии до Первой мировой войны и, соответственно, в период Интербеллума: 1) культурпессимистическая парадигма компенсации (кризисных явлений модерна) и 2) проактивная парадигма в смысле инициативной и деятельной вовлеченности, задающей новые ориентиры в осмыслении самих фундаментальных условий модерна. В 1920–1930-е годы зомбартовская критика капитализма преодолевает культуркритическую установку и демонстрирует черты проактивного модернизма («немецкий социализм» с плановой экономикой и технократическим менеджментом в интересах общего).

Ключевые слова: Вернер Зомбарт, современный капитализм, критика культуры, критика техники, культурная ценность техники, механизация

«Критика техники» наряду с «философией техники» не случайно является одним из самых узнаваемых порождений германского духа — подобно перевернувшим мир изобретениям Готтлиба Даймлера или Вильгельма Конрада Рёнтгена. Собственно, консервативная критика культуры образует первый и основной контекст дискуссии о технике в Германии, которая начинается с судьбоносного вопроса «Техника: проклятие или благословение?». Культуркритическое мышление как

особый модус внутримодерной рефлексии отличает ярко выраженный дискурс о механизации и массовизации общества, оказавший стимулирующее воздействие не только на философию, но и на немецкую социологию, вплоть до философской антропологии и критической теории (Bollenbeck, 2007: 233 ff).

При этом отправной точкой для критики тотальной механизации и массовизации современного общества служила *инструментальная трактовка техники*. Поскольку технические структуры рассматривались как продукты человеческой деятельности, то ключевым вопросом в дискуссии о роли техники в европейской цивилизации являлся вопрос об отношении «Zweck/Mittel», «назначение/средство», где техника базовым образом рассматривалась как средство для достижения конкретной цели. Редукция техники к простому средству имела две важные особенности: во-первых, аргументация культуркритицизма исходила из нейтральности технических средств, а во-вторых, следовала модели однозначности техники, даже в случае переворачивания отношения «назначение/средство». Таков идеально-типический образ критики техники.

От парадигмы нейтрального и однозначного инструмента отталкиваются такие представители культуркритицизма, как Георг Зиммель, Макс Шелер, Вальтер Ратенау; не исключение здесь и Вернер Зомбарт. Критика техники выступает у них как элемент общего историко-культурного анализа общества. Например, в «Философии денег» (1900) Зиммель развивает гипотезу, согласно которой технические средства в ходе своего развития поглощают все больше душевных сил. Угроза видится в превращении технического инструментария в самостоятельную сущность. Человек продолжает поддерживать работу машины, но уже не знает, с какой целью он это делает; техника же овладевает его душой и заставляет его служить себе. Так средство из раба становится господином своего господина.

Критика культуры неотделима от диагностики современной эпохи (Zeitdiagnose). В диагнозе модерна, поставленном немецкими социологами конца XIX — начала XX века, сконцентрированы все основные топосы, смысловые модели и схемы консервативной культуркритики. Согласно источникам до Первой мировой войны, т. е. до образования отчетливой дихотомии между культурой и цивилизацией, «критика культуры» (Kulturkritik) должна быть приравнена к «критике цивилизации» (Zivilisationskritik) и может относиться только к состоянию или тенденциям культуры в смысле «совершенного и истинного образования, охватывающего все стороны внутреннего и внешнего человека»¹. Соответственно,

---

1. Выходившая до Первой мировой войны энциклопедия Meyers Großes Konversations-Lexikon предметно определяла оба термина: «Kultur (лат.), собственно возделывание, заботливое отношение к объекту, который может быть усовершенствован в любом направлении, например, возделывание почвы, лесные культуры, выведение пород животных, в особенности же развитие человеческой жизни и устремлений. В этом специфическом смысле слово К. используется применительно к истокам или истории культуры» (Meyers Lexikon, 1907/11: 788).

Термин «цивилизация», который позднее будет использован Томасом Манном в пейоративном ключе («Наблюдения аполитичного», 1918) и жестко противопоставлен «культуре», здесь также определяется вполне четко и к тому же помещается в ясный историко-антропологический контекст. «Ци-

«критика техники» относится к роли технологий в культуре и/или цивилизации, рассматриваемой в критическом аспекте. Таким образом, критика техники есть специальный дискурс внутри критики культуры.

В 1887 году вышла книга Фердинанда Тённиса «Общность и общество», в которой проводилось различие между двумя типами связей между людьми². Если первый тип, *Gemeinschaft*, основан на интеграции в социальную группу через нормы (=традиционное общество или община, которая вырастает из тесных семейных отношений, руководствуется нормами любви, взаимопонимания и защиты; социальные связи базируются на единстве места и языка), то второй предполагает системную интеграцию (=господство формального права, специализация профессиональных ролей и т. д.). Несмотря на известные протесты со стороны близкого к социал-демократии автора против инструментализации его теоретических выкладок младоконсерваторами в годы Веймарской республики, следует признать, что его книга все же недвусмысленно подталкивала к такой политико-идеологической трактовке. В частности, Тённис предвосхитил манновско-шпенглеровскую антитезу культуры и цивилизации, усмотрев в «общественной и городской цивилизации» смертельного врага культуры. Социализм или государственный социализм, по его мнению, был призван положить конец анархии и разложению общества мегаполисов. Кроме того, он предвосхитил идею «органической конструкции» Эрнста Юнгера, когда констатировал, что на место исчезающих органических форм приходит механизм.

Не меньшее распространение получили формулировки диагноза современной эпохи у Макса Вебера. Расколдовывание мира, рационализация, бюрократизация, доминирование целерациональности, исчислимость, политеизм ценностей — Вебер, рационалист, старавшийся воздерживаться от оценочных суждений, также видел всю амбивалентность модерна. С одной стороны, рационализация освобождает человека от страхов и материальной нужды, но с другой — она же неминуемо приводит его к обесмысливанию жизни и загоняет в «стальную клетку» полностью бюрократизированного мира. В конце «Протестантской этики и духа капитализма» (1905) звучат несколько лейтмотивов позднейшей критики техники. Так, лишенный всякой этико-аскетической мотивации, современный капитализм

вилазация» в отличие от «варварства» есть: «<...> воплощение всех тех формообразующих элементов, которые были изначально необходимы для упорядоченного сосуществования в городском обществе (*bürgerliches Zusammenleben*) и которые там же получили свое развитие. Эти элементы могут присутствовать и в индивидууме, и в целом народе, но только применительно к индивидууму говорится о социальном поведении, а невежа называется нецивилизованным человеком. В остальном под Ц. также понимается не совершенное и настоящее образование, охватывающее все стороны внутреннего и внешнего человека, а всего лишь внешняя основа такового, т. е. способность отказаться от необузданного эгоизма, основанного на ущемлении прав других и соответствующих обычаях и привычках <...>. Ц. — это стадия, которую должен пройти варварский народ, чтобы достичь более высокой культуры в промышленности, искусстве, науке и нравах» (*Meyers Lexikon*, 1909/20: 967).

В этих статьях «культура» выступает как *terminus technicus* и означает попросту некое улучшение существующего материала и в том числе природы человека. Таким образом, «цивилизация» вписывается во всеобъемлющий культурный процесс.

2. Детальное исследование «эвристической динамики» в семантической истории понятий общности и общества см. в недавней статье: Кильдюшов, 2023.

описывается как один большой механизм (Triebwerk), который будет определять жизнь каждого человека индустриальной эпохи до тех пор, пока не сторит «последний центнер ископаемого топлива». Впрочем, здесь следует уточнить: техника не сама собой производит «стальную клетку разума». Вебер рассматривает ее лишь как средство, подчиненное экономическим условиям. Тем не менее процессы расколдовывания и механизации, сопровождающие капитализм на поздней стадии его развития, означают *превращение средства в цель, а слуги в господина*. Вслед за Ницше Вебер отмечает ряд антропологических следствий из механизации мира. «Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость» (Вебер, 1990: 207)³. Тогда применительно к «последним людям», переживающим эту пагубную культурную эволюцию, исполнится пророчество: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной степени человеческого развития» (Там же). Правда, перед лицом этих роковых тенденций Вебер не предлагает занять ницшеанскую позицию *amor fati*. Он скорее надеется на появление харизматичных лидеров и до времени призывает к скепсису и воздержанию от суждений.

Испытав в молодости влияние работ Карла Маркса, Вернер Зомбарт (1863–1941) частично перенял его метод, а вместе с ним и элементы Марксовой критики культуры в форме *критики капиталистического общества*⁴. В дальнейшем ученый положил много времени и сил на разработку модели эволюционного капитализма, которой посвящен его *opus magnum* по экономической истории «Современный капитализм». Критика техники Зомбарта начинается как критика современного капитализма и в дальнейшем будет неразрывно связана с ней.

Идеологическую основу марксистской культурной критики составляет главное сочинение Маркса «Капитал» (1867). Центральное место в первом томе отведено анализу формирования современной системы машинного производства как важнейшей стадии становления материальной основы промышленности. Перечисляя техниче-

---

3. Примечательно, что прилагательное *mechanisiert* появляется только в редакции 1920 г., т. е. после выхода бестселлеров В. Ратенау «К критике современной эпохи» (1912) и «О вещах грядущих» (1917), где «механизация» рисовалась в мрачных красках как «неодухотворенная сила», начинающая «овладевать жизнью». Изначально на месте этого слова стояло *chinesisch*, т. е. «китайское окостенение духовной жизни» (см.: Merlio, 2000: 25). Ср. аналогичное высказывание в работе «Объективность социально-научного и социально-политического знания»: «Отправные точки наук о культуре будут и в будущем меняться до тех пор, пока китайское окостенение духовной жизни не станет общим уделом людей и не отучит их задавать вопросы всегда одинаково неисчерпаемой жизни» (Вебер, 1990: 383).

4. Одобрительное восприятие Зомбартом тезисов Маркса о капитализме, особенно заметное в сборнике его докладов, опубликованном в 1886 году, в какой-то момент чуть было не стало препятствием для карьеры ученого. Так, исследователь творчества Зомбарта Михаэль Аппель приводит слова его научного руководителя Густава Шмоллера, который буквально не желал «делать для Зомбарта ничего, пока тот оставался марксистом» (Appel, 1992: 32).

ские инновации, приведшие к замене мануфактуры фабрикой, Маркс констатирует, что разделение труда между людьми как членами рабочего коллектива постепенно заменяется разделением труда с участием машин. На этом фоне у Маркса возникает образ демонической техники, которая выходит из-под какого-либо подчинения: «В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное производство приобретает свой наиболее развитый вид. На место отдельной машины выступает это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле слова» (Маркс, 1952: 387–388).

Основываясь на этом описании, Маркс формулирует почти все основные аргументы идеально-типической критики техники: превращение техники («машины») в независимую силу, контрпродуктивность техники, отчуждение рабочего и потеря смысла трудовой деятельности: «В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые приатки. <...> Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. <...> Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть “хозяина” (master)» (Там же: 428–429).

Всеобъемлющее, динамичное техническое развитие и преобразование, особенно в сельскохозяйственном секторе, в конечном итоге оказывается «мартирологом производителей, средство труда — средством порабощения, средством эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. <...> Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким

путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» (Там же: 509–510).

Таким образом, техника в рамках производственного процесса обращается против природы, ведь технический процесс направлен на ее эксплуатацию и в конечном итоге ведет к ее разрушению. Эта критика также не обходит стороной разложение социальных связей и распад действующих социальных институтов, хотя последнее уже интерпретируется как часть диалектического процесса, который в концепции Маркса опять-таки тесно завязан на критику техники.

«Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. <...> Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» (Там же: 495).

С одной стороны, для Маркса «субъектом», вызывающим этот деструктивный процесс, является не «техника», а именно тот капитал, который отвечает за современную стадию развития производственного процесса в его «изначальной жестокой, капиталистической форме» и использует соответствующие технологии. С другой стороны, современная техника с ее инновационным потенциалом обнаруживает настоящий революционный характер, поскольку ее развитие, если понимать ее как исторически неизбежное, должно привести к освобождению рабочего класса и приходу его к власти. Если рабочий класс сможет осознать «причины» негативных последствий нынешней техники и связать их с капитализмом, то борьба будет направлена против тех, кто пытается узурпировать технику — с тем, чтобы овладеть ею и в дальнейшем использовать в целях освобождения труда.

Марксистская критика культуры направлена против соответствующей формационной ступени «капитализма», в рамках которого на счет современной промышленной техники записываются все негативные составляющие технико-критического стереотипа. Однако представление о диалектическом переходе к некоей позитивной технике через захват власти рабочим классом в результате развития системных противоречий явным образом отличает Маркса от других критиков техники. Если адекватное применение промышленной технологии теми, кто вышел победителем из классово-войны, может привести к преодолению отчуждения и, таким образом, к выстраиванию «лучшего» общества, то критике техники в таком случае грозило бы превращение в социально-политическую техноутопию. Марксизм развивался как утопическая идеология, а значит, способом ее преодоления могло стать в том числе *придание критике техники консервативного характера через анализ homo capitalisticus и исторических стилей техники.*

Первое издание «Современного капитализма» Зомбарта увидело свет в двух томах (Sombart, 1902a, 1902b), второе, полностью переработанное трехтомное издание выходило с большими перерывами между 1916 и 1927 годами (Sombart, 1916, 1917, 1927). Второе издание существенно отличается от первого, поскольку хозяйственные и социальные отношения понимаются Зомбартом в соответствии с принципами немецкой исторической школы как порождения или манифестации определенного «духа». Именно оно представляет особый интерес и в контексте консервативной критики техники resp. капитализма. Перерабатывая «Современный капитализм» для нового издания, автор подготовил несколько отдельных очерков (Studien). Решение выпустить их отдельными книгами было связано, с одной стороны, с их разросшимся объемом, который уже не вписывался в общее изложение темы, а с другой стороны, с выходом за пределы экономической истории (Sombart, 1922: V–VI). Так в 1911 году увидела свет книга «Евреи и хозяйственная жизнь», а в 1913 году — «Роскошь и капитализм» (изначально должна была называться «Любовь, роскошь и капитализм») и «Война и капитализм».

В России сочинения Зомбарта вызывали большой интерес еще до Первой мировой войны. Можно сказать, на трудах Зомбарта выросло целое поколение социологов и экономистов дореволюционной России. Русский перевод двух томов его главного труда был опубликован спустя несколько лет после выхода первого издания (Зомбарт, 1904, 1905). Третий том увидел свет уже в советское время, и это издание стало также прижизненным на русском языке (Зомбарт, 1930a, 1930b). Исследование творчества В. Зомбарта в нашей стране активно велось как раз в 20-х годах XX века, пусть даже с позиций критического марксистского анализа (работы Е. Варги, А. Тальгеймера). Однако после обвинений выдающегося немецкого ученого в «фальсификации науки» и «апологии империалистической реакции» в военные годы имя Зомбарта было подвергнуто забвению. В середине 1990-х годов Зомбарт вновь становится предметом изучения российских социологов: исследования Ю. Н. Давыдова и В. В. Сапова в основном касались труда «Буржуа» (Зомбарт, 1994), а Р. П. Шпакова в ряде своих статей затрагивала вопросы общего развития научных идей Зомбарта и его концепции генезиса капитализма. Санкт-петербургское издательство «Владимир Даль» внесло заметный вклад в «русскую зомбартиану», издав в 2005–2008 годах трехтомник работ по социологии (Зомбарт, 2005a, 2005b, 2008). Первый том включал в себя работы «Буржуа» (воспроизведение академического издания Давыдова-Сапова 1994 г.), «Будущность еврейского народа», «Художественная промышленность и культура» (перепечатка дореволюционных переводов). Второй том состоял из переводов «Торгашей и героев» и «Евреев и экономики», сделанных специально для нового издания. А в третьем томе был впервые опубликован полный перевод на русский язык уже упомянутых очерков Зомбарта на тему современного капитализма — «Роскошь и капитализм» и «Война и капитализм»⁵.

5. Сокращенный перевод выходил в военном и революционном году (Зомбарт, 1917).

Обращение к Зомбарту современных российских социологов и философов сопряжено с интересом к немецкой исторической школе политической экономики, философско-антропологическому направлению немецкой мысли, наконец, сравнительно-исторической социологии модерна в целом (см.: Митенков, 2002; Руткевич, 2005; Шпакова, Гергилов, 2007). В связи со столетием Великой войны вспоминали военную публицистику немецких интеллектуалов и, в частности, памфлет «Торгаши и герои. Раздумья патриота» в контексте «Идей 1914 года» (см.: Михайловский, 2014; Руткевич, 2017). Однако не менее важная тема «Зомбарт как представитель немецкой культуркритики», не говоря уже о его вкладе в дискуссию о технике, никогда не попадали в фокус исследований на русском языке — впрочем, редкость это и для социогуманитарной литературы на других европейских языках⁶.

Выдающийся социолог, совершивший мировоззренческий дрейф от рабочего движения в стан национализма и консерватизма, разработал модель эволюционного капитализма, которую разделил на три основных этапа. Ранняя капиталистическая фаза (*Frühkapitalismus*) рассматривалась им как кооперативная с элементами общественной собственности и получила обозначения «торгового капитализма» и «доиндустриального предпринимательства»; далее следовали высокая капиталистическая (*Hochkapitalismus*) и поздняя капиталистическая (*Spätkapitalismus*) фазы. Этой эволюции капитализма, по мысли Зомбарта, соответствует все более усиливающееся влияние на развитие западных стран и народов процесса механизации. «С тех пор как большое число выдающихся исследователей, а в их ряду, прежде всего, Фердинанд Тённис, учат нас рассматривать историю европейского общества новейшего времени с точки зрения прогрессирующей механизации, взгляд этот настолько полюбился, что сегодня можно сказать, что он является общим достоянием каждого образованного человека» (цит. по: Шпакова, Гергилов, 2007: 60). Эта цитата — не что иное, как отзыв Зомбарта о Тённисе, помещенный в начале той главы «Современного капитализма», где резюмируются основные линии европейского экономического развития на раннекапиталистической стадии.

В числе определяющих сил и стимулов экономического развития Зомбарт называет и технику (Sombart, 1969a: 5–7). Техника — в другом месте Зомбарт использует близкое по значению понятие «материальной культуры» (Ibid.: 17) — дала человеку возможность «вознестись до уровня хозяев Земли». Под техникой Зомбарт понимает в первую очередь «инструментальную технику» (материальную технику), созданную с помощью знаний (*das technische Wissen*) и умений (*das technische Können*)⁷. Она является «совокупностью приемов и методов производства благ»,

6. Нам удалось найти только две обзорные статьи недавнего времени, посвященные этой тематике, — одну статью хорватского автора (Antolović, 2020), и другую итальянского (Iorio, 2015).

7. Владение техническими know-how и трансфер знаний из поколения в поколение рассматривается Зомбартом как отличительная черта ремесленного производства и цеховой организации вплоть до XVIII века: «<...> техническое умение как бы пристегнуто к конкретному человеку, “мастеру”. С ним оно живет, с ним умирает. И поэтому требуется личное наставничество мастера в отношении “подмастерья”, дабы искусство сохранялось и распространялось дальше» (Sombart, 1902a: 142).

служашей цели обеспечения базовых человеческих потребностей. С экономической точки зрения и в согласии с Марксом проводится различие между инструментом (*Werkzeug*) как «рабочим средством (*Arbeitsmittel*), которое необходимо для поддержания человеческого труда», и машиной как рабочим средством, «замещающим человеческий труд».

В своем сочинении Зомбарт выстраивает последовательность из трех экономических эпох, для каждой из которых характерна определенная экономическая система: это *крестьянское и помещичье хозяйство, ремесло и капитализм*. Помещичье-крепостное хозяйство и ремесленничество основываются на эмпирическо-органической технике (органической потому, что вспомогательными средствами и материалами выступают люди, животные и растения). Переход от сельского хозяйства к ремесленному производству связывается ученым преимущественно с возникновением экономики обмена и развитием городов.

Переходной эпохе между ремесленничеством и капитализмом (с XV по XVIII век) Зомбарт посвящает отдельный том. Если докапиталистический хозяйственный этос (*Wirtschaftsgesinnung*) был связан с требованиями поддержания уровня жизни в соответствии с сословной принадлежностью, то капитализм следует исключительно принципу приобретательства и сводится к экономическому рационализму, для которого характерны планирование и расчет. Докапиталистическому хозяйственному этосу соответствовала общественная статика, капиталистическое же мироощущение привело, наоборот, к ускорению общественной динамики. «Это дух привязанности к земному и мирскому; дух, обладающий невообразимой силой разрушения старых природных форм, старых связей, старых границ, но в то же время стремящийся к созданию новых форм жизни, искусственных и искусных конструкций. Со времен позднего Средневековья этот дух вырывает человека из его органических отношений, лишает его эмоциональной привязанности к сообществу и вынуждает бесконечно стремиться к удовлетворению личных эгоистических интересов» (*Ibid.*: 327). Его отличает «стремление к бесконечности, стремление к власти, одержимость предпринимательством». При этом стремление к власти и наживе отныне переходят одно в другое. Власть добывается, чтобы нажиться, а нажива нужна ради власти. Лишь тот, кто обладает властью, может нажиться, а тот, кто наживается, увеличивает свою власть. «Во всех сферах человеческой жизни этот новый “предпринимательский” дух стремится к господству. И прежде всего в государстве. Его единственная цель — завоевывать, покорять. То же самое в религии, в церкви: здесь он хочет освободить, раскрепощать; в науке он хочет разрешать загадки; в технике — изобретать; на поверхности земли — открывать» (*Ibid.*: 328).

Помимо предпринимательского духа на сцену вступает и буржуазный дух (*Bürgergeist*)⁸. «Если предпринимательский дух собирается все покорять или при-

---

8. Очевидно, яркие зомбартовские характеристики будут положены в основание критики «бюргера» и его жизнеориентирующей установки на «безопасность» в первой части «Рабочего» Эрнста Юнгера, где автор отмечает симптомы заката «бюргерской эпохи» и обрисовывает черты нового «мира работы».

обретать для себя, то буржуазный дух хочет все упорядочивать, сохранять. Он проявляется в целом ряде добродетелей, которые все сходятся в том, что в качестве нравственно одобряемого рассматривается такое поведение, которое обеспечивает поддержание функционирования капиталистического хозяйства — усердие, умеренность, бережливость, хозяйственность, верность договоренностям. *Душевное настроение, сотканное из предпринимательского и буржуазного духа, мы называем капиталистическим духом. Он-то и создал капитализм»* (Ibid.: 329)⁹.

Ниже этого экономическо-этического уровня Зомбарт рисует сложную картину экономической жизни в эпоху раннего капитализма. К числу тех самых динамических сил относится армия, находящаяся в постоянной боевой готовности. С ее помощью возникает современное государство, которое проводит экономическую политику. У техники по-прежнему остается ее эмпирико-органическая основа, однако она меняется количественно и все больше охватывается духом капиталистически-рационалистического предпринимательства. Эксплуатация залежей благородных металлов приводит к первоначальному накоплению капиталов. Трансформируется и потребность в благах: Зомбарт особенно выделяет стремление богатых людей к роскоши и растущие потребности армии. Ориентируясь на формулу «общность и общество» Тённиса, ученый описывает раннекапиталистический поворот с помощью пар полярных понятий: «от традиционализма к рационализму; от статичной экономики к динамичной; от общинного хозяйства к общественному; от органического к механическому характеру человеческих отношений; от ограниченного хозяйственного этоса к свободному хозяйствованию. Все эти процессы можно свести к одному: <...> экономическое развитие в раннекапиталистическую эпоху означает подготовку опредмечивания всех личноотношенными» (Sombart, 1917: 20).

В результате своих исследований Зомбарт приходит к любопытному и неожиданному выводу: ранний капитализм (если сравнивать с последующими фазами) смог реализовать «на удивление мало» от первоначальных идей (Ibid.: 11–13). Социолог объясняет это обстоятельство психологическими, политическими и техническими препятствиями, например, ограниченностью эмпирически-органической техники (недостаток древесины), допуская даже возможность срыва капиталистического развития, как это и произошло в других культурах за исключением европейской.

В опубликованном спустя десятилетие третьем томе Зомбарт освещает фазу высокого капитализма. Начало этой экономической эпохи он связывает с 1760-ми годами, тогда как период между 1870 и 1914 годами рассматривается уже как переход от высокого к позднему капитализму. Заостряя еще больше свою концепцию истории, Зомбарт усматривает в капиталистическом предпринимателе единственную движущую силу экономического развития. Среди множества анализируемых факторов — государства, капитала, труда, рынка и т. д. — техника занимает далеко

---

9. Проблема «капиталистического духа» подробно рассматривается в книге «Буржуа».

не последнее место. Из эмпирическо-органической она становится научно-неорганической. Использование полезных ископаемых (и ключевого ресурса — угля) вызывает «эмансипацию от живой природы» (Sombart, 1927: 97). Изобретательская активность, подгоняемая стремлением к получению выгоды, приводит к появлению новых продуктов, которые в итоге создают спрос.

Во втором издании «Современного капитализма» Зомбарт выделил различные «стили техники». Фокусируясь опять-таки на промышленных технологиях, он устанавливает идеально-типические соответствия между техникой и историческими формами экономических систем. «Стили техники» можно схематически представить в такой таблице:

Экономическая система	Экономическая эпоха	Знание/умение	Осуществление	Движение
ремесло		эмпирическо-традиционное	органическое	стационарное
капитализм	ранний капитализм	эмпирическо-рациональное	органическое	стационарное
	высокий капитализм	научно-рациональное	неорганическое	революционное
	поздний капитализм	научно-рациональное	неорганическое	стационарное

Прокомментируем некоторые моменты. Зомбарт квалифицирует ремесленную технику как «стационарную» по той причине, что, по его мнению, «ремесло» определяется принципом удовлетворения потребностей, тогда как «технологический стиль» капитализма является «революционным» из-за присущего ему принципа максимизации прибыли. Под «осуществлением» имеется в виду исторически конкретное использование ресурсов в технических процессах. Пока используются человеческие, животные и естественные регенеративные источники энергии, а также органически выращенные природные ресурсы, техника остается «органической». «Неорганическим» является такой способ осуществления, когда источники энергии заменяются технически созданными, а ресурсы из «царства неживой природы» используются для производства товаров. Бесспорно, что в этой теории «технологических стилей» конструируется чисто идеальная сущность техники.

Однако нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, будто позднекапиталистический «стиль техники» с его «стационарным» характером «движения» есть всего лишь идеологический конструкт, результат «антимодернистской направленности» Зомбарта (Meuer, 1998). Ученый действительно связывал ближайшее будущее капитализма с замедлением инновационного технического роста. Однако оценка такого взгляда как однозначно ошибочного связана исключительно со стандартизованной и неотрефлексированной прогрессистской

оптикой. Мы же беремся утверждать, что Зомбарт предлагает здесь версию «другого модерна», которая вписывается в типологию цивилизационной критики и может быть *grosso modo* охарактеризована как «попытка поставить технику на службу буржуазному порядку посредством ее подчинения этическим принципам» (Rohkrämer, 1999: 32). Подразумевается безоговорочное принятие достижений техники в плане повышения производительности, сопровождаемое беспокойством по поводу ее негативного воздействия на общественную, культурную и частную сферу (распад связей между людьми, упадок искусств, растущее эмоциональное опустошение и т. д.). Способ решения проблемы предлагается следующий: осмыслить технику не как «неизбежное зло», а как нейтральное средство, которое при должном отношении (этический контроль и управление) могло бы принести еще большую пользу во всех областях человеческого существования. Иными словами, «другой модерн» здесь сводится к *компенсаторному интересу*, поскольку не отвергает индустриализацию как таковую, но указывает на требующие исправления дефекты развития позднекапиталистического общества. «Именно то, что капитализм развивается в сторону механизации, все большего разделения труда, порождающего “частичных людей”, — отмечает А. М. Руткевич, — было для Зомбарта знаком того, что “поздний капитализм” обречен и сменится иной социальной системой <...> Его можно считать и одним из тех авторов, которые подготавливали современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствиями стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем» (Руткевич, 2005: 13–14).

По вопросу культурной ориентации технического развития сквозь десятилетия прослеживается консенсус между такими разными мыслителями, как Карл Маркс, Макс Вебер и Вернер Зомбарт, а именно, что в индустриально-капиталистических обществах техническое развитие было почти исключительно или в конечном счете ориентировано на экономику. Правда, Зомбарт не соглашается с материалистическими положениями о том, что экономика — это функция техники, а вся культура — не что иное, как функция экономики. Когда он говорил об отношениях между «техникой и культурой» на Первой конференции немецких социологов в 1910 году во Франкфурте-на-Майне, то в основном касался влияния техники на развитие культуры (Sombart, 1911).

Техника — это особый взгляд на реальность, который передает нам «дух» определенной эпохи. В культурном стиле субъективная и объективная стороны неотделимы друг от друга, а потому все явления культуры пронизаны техникой как создательницей материальных благ. Техника охватывает одновременно знание (Kennen, Wissen) и умение (Können). Если первое обеспечивает процесс производства, то второе связано с нашей способностью использовать технологии ради эффективного достижения каких-то целей. Зомбарт различает технику в «широком смысле» (музыкальная техника, *ars amandi* etc.) и в «узком смысле». В последнем случае имеется в виду инструментальная техника, которая направлена на достижение конкретных целей и поэтому, как подчеркивает автор, синонимична произ-

водственной технике. Все, что не касается производства материальных благ, является вторичной техникой (*sekundäre Technik*): «Даже транспортная техника есть вторичная техника. И авиация — это тоже вторичная техника» (Sombart, 1969b: 64).

«Для меня не так важно сказать, что такое культура, как сказать, в чем культура выражается» (Ibid.: 65), — провозглашает Зомбарт. Критикуя технический и экономический детерминизм Маркса, он, во-первых, утверждает, что любой фактор или социальная переменная независимы друг от друга, хотя и взаимодействуют друг с другом и предполагают существование других переменных. Во-вторых, с исторической и эмпирической точки зрения невозможно доказать, что какая-то технология будет использоваться людьми просто потому, что она доступна. Кроме того, недоказуемо, что использование какой-то технологии всегда и везде будет иметь одинаковый экономический эффект. В этом свете ясно, почему определенная экономическая система не является функцией техники. В-третьих, Зомбарт отвергает связь между экономикой и манифестациями культуры. Таким образом, если техника не является основой экономики, то последняя не является основой общества или культуры.

Далее Зомбарт касается антропологического влияния техники и выделяет активное и пассивное воздействие на человека. В первом случае речь идет об определенном формировании личности (*Gestaltung der Persönlichkeit*) в ходе использования технических средств. Во втором случае — о «страдании», например, от звуков клаксонов автомобилей или телефонных звонков. Рассуждая в конце доклада о «культурной ценности» техники (*Kulturwert der Technik*), Зомбарт произносит следующие слова: «Проблема ценности техники для человечества, несомненно, может быть решена в том числе научными средствами, когда мы показываем, что многие из так называемых технических достижений, которыми хвастается наше время, часто являются лишь жалкой и временной заменой для предотвращения зла, изначально созданного той же самой культурой. Например, если я горжусь тем, что большой город имеет очень хорошую и развитую транспортную сеть и может быстро доставить меня из периферийной точки в центр, я должен при этом осознавать, что это достижение стало необходимым только после того, как вследствие культурного развития современные люди стали жить вдали от центров своей деятельности. И когда я хвастаюсь, что наши улицы так ярко освещены в тех местах, где они не освещались сто лет назад, мне, конечно же, следует понимать, что это освещение стало необходимым вследствие того, что теперь по ночам гуляет очень много людей» (Ibid.: 81–82). Взгляд на прогресс техники как на средство устранения недостатков, возникших в предыдущий период — в результате неправильного хозяйствования, перенаселенности и проч. — позволяет сделать предметом научного исследования в том числе негативные воздействия, которые техника оказывает на организм и психику пролетария или же человека индустриальной эпохи в целом, а значит, подвергнуть коррекции процессы модернизации и рационализации.

Пусть автор не ставит вопрос о стратегии компенсации, однако его по-настоящему волнует научное освещение проблемы ценности, определение отношений между отдельными явлениями современной культуры, четкое осознание того, какие ценности разрушаются, а какие приобретаются взамен. В конце концов, он озабочен прагматическим поиском «оптимального соотношения мучения и радости» от пользования техническими средствами. Как минимум для людей своего круга Зомбарт считает чем-то само собой разумеющимся задавать вопросы о ценности технических достижений, а не относиться к каждому новшеству с энтузиазмом современных инженеров. «Сегодня мы зашли так далеко, что не можем позволить себе считать голое техническое развитие культурной ценностью как таковой; мы критически спрашиваем: действительно ли стоит летать по воздуху или нет?» (Ibid.: 82). Такой же полный спокойствия и достоинства жест нам встречается и в докладе О. Маркварда об «Эпохе чуждости миру». Какую рекомендацию дает философ в начале 1980-х годов, когда заходит речь об увеличившемся в очередной раз количестве автомобилей и невыносимой для здорового человека плотности городского трафика? Он отвечает тактично: «Разумно поступать здесь следующим образом: благодарно пользоваться теми преимуществами, которые достигнуты, и, если это необходимо, предусмотрительно и безропотно отказаться от беспрепятственного дальнейшего совершенствования каких-то вещей, основываясь на взвешенном и трезвом обдумывании» (Марквард, 2003).

В контексте зомбартовской критики техники не меньшего внимания заслуживает и концепция «экономического человека». Тип «экономического человека» позднее возьмет за основу Эдуард Шпрангер в своей теории «Жизненных форм» (1921). «Экономический человек» по своей сути прагматичен и эгоистичен, он сосредоточен на рентабельном деле, а потому все, что не вписывается в экономическую рациональность, выводится им за пределы базовых поведенческих ориентаций. Так, для его целеполагания безразличны культура, мораль, духовные и религиозные ценности. «Экономический человек» — это опять же идеальный тип, но у него есть воплощение — «буржуа нового стиля». «Живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: *нажива* и *дело*. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — *мерой всех вещей*» (Зомбарт, 2005а: 216), — пишет он в книге «Буржуа».

Универсальным критерием эффективности, подменившей собой классическую триаду истины, блага и красоты, для «экономического человека» выступают деньги — безличный посредник, безразличный к добру и злу, красоте и уродству, верности и предательству. Соответственно, и во внешней природе «экономический человек» не видит ничего другого, кроме бездушного источника сырья и ресурсов. Но эксплуатирует Землю с усердием и знанием дела, как и подобает «виртуозному частичному человеку». «Естественный живой мир превращен в развалины, чтобы из этих развалин возник искусственный мир, созданный из человеческой изобретательности и мертвых материалов: это в равной мере действительно как отно-

сительно хозяйства, так и относительно техники. И без всякого сомнения, этот сдвиг в технических приемах оказал существенное влияние на сдвиг в нашей общей оценке мира: в той мере, как техника вытесняла человека из центра производственного процесса, человек исчезал и из центра как хозяйственных, так и вообще культурных оценок» (Там же: 403).

Не в последнюю очередь на «экономическом человеке» лежит вина за кризис гуманизма и просвещенческих идеалов. Вопреки второй формулировке категорического императива Канта, сам человек из цели превращается в средство. «Мы видели, что дух буржуа наших дней характеризует его полное безразличие по отношению к судьбе человека. Мы видели, что человек исключен из центра хозяйственных оценок и целестановлений, что интересен один только процесс (производства, транспорта, образования цен и т. д.): *fiat productio et pereat homo*» (Там же), — формулирует Зомбарт лицемерное кредо капитализма. Капитализма нет, если нет капиталистического духа.

«Расчеловечивание», очевидно, является прямым следствием инверсии отношения «цель/назначение — средство», которое было присуще технике со времен ремесленничества. Переворачивание этой ключевой пары прагматического сознания происходит на фоне параллельного развития естественнонаучного духа, как оно запечатлевается в технике, и капиталистического духа. Технический прогресс заставляет нас все больше и больше сосредотачиваться на том, как делается вещь и как она работает, независимо от того, для чего она используется. Итог: человек забывает, какой цели должны служить инструменты. «Участие в прогрессе техники и безграничная ее переоценка усилили стремление к наживе капиталистического предпринимателя в той мере, в какой она повысила его собственный интерес к техническим достижениям, выражающимся в его изделиях» (Там же: 401). «Экономический человек» бессмысленно производит все больше и больше. У этого феномена находится «психологическое объяснение» — детская радость перед техническим усовершенствованием (капиталистический инфантилизм, в отличие от кантовского «совершеннолетия»). Но с другой стороны, она возможна только в «эпоху техники»: «То, что предпринимателю может прийти в голову, что в какой бы то ни было мере является само по себе ценным изготовить как можно больше машин, или арматуры для освещения, или рекламных вывесок, или летательных аппаратов, что он в производстве этих вещей как таковом может найти какое бы то ни было удовлетворение (а наряду с другими мотивами здесь, несомненно, действует в качестве движущей силы в душе предпринимателя и это увлечение производством как таковым), — предпосылкой всего этого является охарактеризованное общее настроение нашей эпохи» (Там же: 402).

С началом Первой мировой войны Зомбарт одним из первых (вместе с Вальтером Ратенау) встает на путь преодоления культурпессимизма — и это происходит опять-таки через переосмысление роли техники. Сам Зомбарт признает этот факт, демонстрируя уверенность в том, что его читатель «поймет, почему я, и со мной многие, многие другие, притом не самые худшие умы, перед войной впали в глу-

бочайший культурный пессимизм». И продолжает: «У всех нас сложилось твердое убеждение, что человечество идет к своему концу, что остаток своего существования на Земле оно проведет в состоянии крайне прискорбной низости, превратится в “человеческий муравейник”, что торгашеский дух готов распространиться повсюду, и что появились уже “последние люди”, которые говорят: “Мы нашли счастье” — и моргают. И тут произошло чудо. Началась война. И тогда из тысяч и тысяч источников прорвался новый дух; нет — не новый! То был прежний, героический немецкий дух, пламя которого до сих пор тлело под грудами пепла и вдруг разгорелось мощным огнем» (Зомбарт, 2005б: 88–89).

В «Торгашах и героях» (1915), откуда взята вышеприведенная цитата, коммерциализму англичан противопоставляется немецкая «идея отечества» и сопряженная с ней концепция государства. «Борьба идет между торгашом (Händler) и героем (Held), между торгашеским и героическим мировоззрением, торгашеской и героической культурой» (Там же: 9). Перед войной коммерциализм был уже готов завоевать весь мир. Даже были крути, признается Зомбарт, в которых твердо верили, что по мере распространения капиталистической системы хозяйства по планете меркантильный дух, а вместе с ним и меркантильная культура будет господствовать везде, человечеству же не останется ничего другого как самораспуститься.

Теперь рафинированный экономист и социолог, эмоционально слившийся с судьбой сражающейся Германии, отстаивает тезис о том, что техника может существовать только как часть сложной системы, а национальная Machtpolitik в эпоху модерна строится на экономической мощи и технологическом превосходстве. «Война все сильнее и настойчивее дает нам осознать, что все международные экономические отношения являются необходимым злом, которое следовало бы по возможности уменьшить. После войны первоочередной задачей народнохозяйственной политики будет, несомненно, поиск путей и средств, с помощью которых мы могли бы достичь наибольшей экономической автономии Германии» (Там же: 100).

Следует подчеркнуть, что в центре критики Зомбарта находится именно капиталистическое мышление. Отрицательные черты «духа капитализма» связаны, таким образом, не с техническими новшествами самими по себе, а с «коммерциализмом» буржуазного духа. Если взять в скобки понятный патриотический пафос этого ярчайшего образчика немецкой «интеллектуальной мобилизации», мы не найдем в «Торгашах и героях» претензий к техническому прогрессу, при условии, что он связан не с буржуазным духом, а с немецким Heldengeist'ом: инструментальное освоение техники немцами может дать положительный эффект, а сам технический прогресс окажется необходимой предпосылкой для укрепления и распространения немецких идей об отечестве в политически и экономически самодостаточном государстве¹⁰. «Теперь и техника может спокойно следовать путем своих завоеваний, теперь нам уже не о чем беспокоиться. Мы знаем, зачем

---

10. Эту мысль Зомбарт будет развивать и в вышедшей в 1935 году брошюре «Укрощение техники» («Die Zähmung der Technik», извлечение из книги 1934 года «Немецкий социализм»), до сближения с позициями «культурной антропологии».

все это. Сорокадвухсантиметровые мортиры, защитного цвета обмундирование, самолеты-разведчики, подводные лодки вновь приоткрывали нам смысл технического прогресса» (Там же: 94).

В 1920-1930-е годы зомбартовская критика капитализма демонстрирует не ретроградный, а радикальный характер: она явным образом обращена в будущее. Здесь мы уже можем констатировать наметившееся в «Торгашах и героях» *смещение от культурпессимистической установки к проактивной позиции* в смысле инициативной и деятельной вовлеченности в актуальные процессы, задающей новые ориентиры в осмыслении самих фундаментальных условий модерна. Так, в третьем томе «Современного капитализма» Зомбарт не ограничивается описаниями современного состояния, но спекулятивно намечает и грядущие экономические тенденции. С его точки зрения, с капиталистическим человечеством будет происходить не столько революционный переворот, сколько последовательное органическое изменение. Капитализм в модифицированном виде продолжит существовать, однако параллельно с ним возникнет плановое хозяйство. А поскольку в основе как капитализма, так и социализма лежит рационалистический принцип, то обе системы постепенно сблизятся.

Ведущий автор «консервативной революции» и идейный вдохновитель журнала Die Tat публикует книгу «Немецкий социализм» (Sombart, 1934), где предлагает программу в духе проактивного модернизма. Автор пропагандирует консервативное государство с плановой экономикой и техникой, контролируемой в интересах общего блага. Детальный анализ этой книги выходит за рамки нашего исследовательского вопроса, поскольку она уже с трудом вписывается в тот идеально-типический образ критики техники, который сложился перед Первой мировой войной. Этот поворот, конечно, можно объяснять эволюцией взглядов конкретного ученого и интеллектуала под влиянием общественно-экономической и политической трансформации немецкого общества, однако мы склонны относить этот явный дрейф Зомбарта от критики техники в форме критики позднего капитализма в сторону технократии (ответственный менеджмент со стороны государства и инженеров) на счет *смены компенсаторной парадигмы другого модерна на проактивную парадигму в немецкой общественной мысли между двух мировых войн*. Для нее, в частности, характерны активистский пафос интеграции природы и культуры через осознание творческого и инновационного потенциала технологий, преодоление апории техники и свободы, скепсис в отношении буржуазного ламенту по поводу вызванного индустриализацией упадка европейской духовности, новое видение человека, а также футуристические проекты по переустройству государства, экономики и общества. Все это в изобилии встречается в сочинениях интеллектуалов фронтового поколения — Э. Юнгера, Х. Фрайера, Ф. Фрида, М. Хольцера, мыслящих представителей «людей техники» и сторонников фёлькиш-технократии, которые еще до 1933 года решительно встали на путь «героического преодоления критики техники» (Р.-П. Зиферле). Впрочем, последним отход Зомбарта от культуркритики казался недостаточно решительным. Реакции на «Немецкий социализм» в национал-социалистической печати

(см.: Rohkrämer, 1999: 280–281; Руткевич, 2005: 20–21) варьировались от сдержанных до негативных. В призывах Зомбарта к «устойчивому производству» и его недоверии к «динамической» экономике рецензенты усматривали враждебность по отношению к технике и недооценку труда изобретателей и промышленников ради усиления Германии на международной арене.

Литература

- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс.
- Зомбарт В. (1904). Современный капитализм. 2 тома. Т. 1. Генезис капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова и И. Степанова; предисл. И. Степанова. М.: Издание С. Скимунта.
- Зомбарт В. (1905). Современный капитализм. 2 тома. Том 2. Теория капиталистического развития / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова и И. Степанова. М.: Издание С. Скимунта.
- Зомбарт В. (1930а). Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова. Первый полутом: Основы; Структура. Второе, просмотренное издание / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховецкого; с предисл. проф. С. Б. Членова и с послесл. И. Альтера. М.-Л.: Государственное издательство, типография Госиздата «Красный пролетарий».
- Зомбарт В. (1930б). Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова. Второй полутом: Процесс; Народное хозяйство в целом / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховецкого; с предисл. И. Альтера. М.-Л.: Государственное издательство, Типография Госиздата «Красный пролетарий».
- Зомбарт В. (1917). Любовь, роскошь и капитализм / Сокр. пер. с нем. Н. И. Сувилова. Петроград: Благо.
- Зомбарт В. (1994). Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. Ю. Н. Давыдова, В. В. Сапова. М.: Наука.
- Зомбарт В. (2005а). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 1: Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. СПб.: Владимир Даль.
- Зомбарт В. (2005б). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 2: Торгаши и герои. Евреи и экономика / Пер. с нем. Д. В. Кузницына и А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль.
- Зомбарт В. (2008). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. Роскошь и капитализм. Война и капитализм / Пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль.
- Кильдюшов О. В. (2023). Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. Т. 23. № 1. С. 9–25.

- Марквард О. (2003). Эпоха чуждости миру? // Отечественные записки. № 6 (15). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru> (дата доступа: 05.02.2024)
- Маркс К. (1952). Капитал. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Митенков А. В. (2002). Философско-антропологический анализ учения В. Зомбарта о генезисе общества: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Москва: Финансовая акад. при Правительстве РФ.
- Михайловский А. В. (2014). Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. № 3 (19). С. 129–151.
- Руткевич А. М. (2017). Идеи 1914 года // Сад ученых наслаждений / Отв. ред. А. Н. Дмитриев, Н. В. Самутина, Е. А. Вишленкова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 41–84.
- Руткевич А. М. (2005). Вернер Зомбарт — историк капитализма // Зомбарт В. Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 5–22.
- Шпакова Р. П., Гергулов Р. Е. (2007). От механизации к рационализации. Идеиное влияние Тённиса на Зомбарта // Социологический журнал. № 1. С. 58–65.
- Antolović M. (2020). «Mi, umorne duše» — Werner Sombart kao kritičar moderne kulture // Filozofska Istrazivanja. Vol. 39. № 4. P. 795–810.
- Appel M. (1992). Werner Sombart. Theoretiker und Historiker des modernen Kapitalismus. Marburg: Metropolis-Verlag.
- Bollenbeck G. (2007). Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders. München: Beck.
- Iorio G. (2015). Technology in Sombart's Sociology // DADA Rivista di Antropologia post-globale. Vol. 1. P. 129–138.
- Merlio G. (2000). Kultur- und Technikkritik vor und nach dem ersten Weltkrieg // Titan Technik. Hrsg. v. Friedrich Strack. Würzburg: Königshausen & Neumann. S. 19–41.
- Meyer T. (1998). Werner Sombarts idealtypischer Technikbegriff. Überlegungen zur Gesellschaftlichkeit der «stationären» zünftischen Technik // Bayerl G., Weber W. (Hg.). Sozialgeschichte der Technik. Festschrift Ulrich Troitzsch zum 60. Geburtstag. Münster u. a. (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 7). S. 67–76.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon (1907). Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 11.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon (1909). Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 20.
- Rohrkämper T. (1999). Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh.
- Sombart W. (1902a). Der moderne Kapitalismus. Erster Band. Die Genesis des Kapitalismus. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1902b). Der moderne Kapitalismus. Zweiter Band. Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. Mit Registern über Band I. und II. Leipzig: Duncker & Humblot.

- Sombart W.* (1911). Technik und Kultur // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXXIII. Tübingen: Verlag von J. C.B. Mohr (Paul Siebeck). S. 305–347.
- Sombart W.* (1916). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 1: Die vorkapitalistische Wirtschaft. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1917). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 2: Das europäische Wirtschaftsleben im Zeitalter des Frühkapitalismus. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1927). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 3: Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1922). Luxus und Kapitalismus. 2. Aufl. München und Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1934). Deutscher Sozialismus. Berlin-Charlottenburg: Buchholz & Weisswange.
- Sombart W.* (1969a). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Erster Band: Einleitung — Die vorkapitalistische Wirtschaft — Die historischen Grundlagen des modernen Kapitalismus. Berlin: Duncker & Humblot (unveränderter Nachdruck der 2. Auflage 1916).
- Sombart W.* (1969b). Technik und Kultur // Verhandlungen des 1. Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910 in Frankfurt am Main. Frankfurt am Main: Sauer u. Auvermann. S. 63–83.

Werner Sombart as a Critic of Technology

Alexander V. Mikhailovsky

Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University

Address: Myasnikskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: amikhailowski@hse.ru

The article provides an analysis of W. Sombart's conception of modern capitalism in the aspect of cultural critique. *The first hypothesis* is that Sombart's critique of technology is a critique of modern capitalism. The ideal type of critique of technology is defined by the instrumental interpretation of technology and the belief that mechanization and massification of modern society, alienation of labor, psychological degradation, etc. are consequences of the inversion of the *Zweck-Mittel*-relationship (this views technology as basically a means to an end).

The second hypothesis is that Sombart proposes a version of the "other modernity," which means an attempt to put technology in the service of the bourgeois order through its subordination to ethical principles. Acceptance of technological advances is accompanied by concerns about its

negative impact on the public and private spheres. The report "Technology and Culture" (1910) poses the problem of the "cultural value of technology".

The third hypothesis deals with the explanation of this version of the "other modernity" by a compensatory interest (it does not reject industrialization as such, but points to defects in the late capitalist development that require correction). The study identifies two different diachronic paradigms in the conservative thought in Germany before WWI and, accordingly, in the interwar period: 1) a paradigm of compensation and 2) a proactive paradigm of contributing to the national renewal, setting new guidelines in understanding the fundamental conditions of modernity. In the 1920s and 30s, Sombart goes beyond the critique of culture and demonstrates the attitude of proactive modernism ("German socialism" with planned economy and technocratic management that favor the common good over individual profit).

Keywords: Werner Sombart, modern capitalism, critique of culture, critique of technology, cultural value of technology, mechanization

References

- Antolović M. (2020) "Mi, umorne duše" — Werner Sombart kao kritičar moderne kulture. *Filozofska Istrazivanja*, vol. 39, no 4, pp. 795–810.
- Appel M. (1992) *Werner Sombart. Theoretiker und Historiker des modernen Kapitalismus*, Marburg: Metropolis-Verlag.
- Bollenbeck G. (2007) *Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders*, München: Beck.
- Iorio G. (2015) Technology in Sombart's Sociology. *DADA Rivista di Antropologia post-globale*, vol. 1, pp. 129–138.
- Kil'djushov O. V. (2023) Kategorial'naja dihotomija *Gemeinschaft/Gesellschaft* v sociologicheskoy klassike: Tjonnis — Veber — Frajer — Parsons [Categorical dichotomy *Gemeinschaft/Gesellschaft* in sociological classics: Tönnies — Weber — Freyer — Parsons]. *Vestnik RUDN. Series: SOCIOLOGY*, vol. 23, no 1, pp. 9–25.
- Marquard O. (2003) Epoha chuzhdosti miru? [An era of alienation to the world?]. *Otechestvennye zapiski*, no 6 (15). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru> (accessed 5. February 2024).
- Marx K. (1952) *Kapital*. T. 1. [Capital. Vol. 1], Moscow: State publishing house of political literature.
- Merlio G. (2000) Kultur- und Technikkritik vor und nach dem ersten Weltkrieg. *Titan Technik*, hrsg. v. F. Strack, Würzburg: Königshausen & Neumann, S. 19–41.
- Meyer T. (1998) Werner Sombarts idealtypischer Technikbegriff. Überlegungen zur Gesellschaftlichkeit der «stationären» zünftischen Technik. *Sozialgeschichte der Technik. Festschrift Ulrich Troitzsch zum 60. Geburtstag*, hrsg. von G. Bayerl, W. Weber, Münster u.a. (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 7), S. 67–76.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1907) Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 11.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1909) Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 20.

- Mitenkov A. V. (2002) *Filosofsko-antropologicheskij analiz uchenija V. Zombarta o genezise obshchestva* [Philosophical and anthropological analysis of the views of W. Sombart on the genesis of society] (PhD thesis), Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation.
- Mikhailovsky A. V. (2014) *Uspehi i neudachi "intelektual'noj mobilizacii": germanskij i rossijskij opyt* [Successes and failures of "intellectual mobilization": German and Russian experience]. *Voprosy nacionalizma*, no 3 (19), pp. 129–151.
- Rohkrämer T. (1999) *Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933*, Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh.
- Rutkevich A. M. (2017) *Idei 1914 goda (Ideas of 1914). Sad uchenyh naslazhdenij* [Garden of Scientific Delights] (eds.: A. N. Dmitriev, N. V. Samutina, E. A. Vishlenkova), Moscow: Publishing house of the National Research University "Higher School of Economics", pp. 41–84.
- Rutkevich A. M. (2005) *Verner Zombart — istorik kapitalizma* [Werner Sombart — historian of capitalism]. *Zombart V. Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 1: Burzhua: k istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka. (The Collected Works in 3 vols. Vol. 1: The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man)*, Saint Petersburg: Vladimir Dal', pp. 5–22.
- Shpakova R. P., Gergilov R. E. (2007) *Ot mehanizacii k racionalizacii. Idejnoe vlijanie Tjonnisa na Zombarta* [From mechanization to rationalization. The ideological influence of Tönnies on Sombart]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 58–65.
- Sombart W. (1902a) *Der moderne Kapitalismus. Erster Band. Die Genesis des Kapitalismus*, Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1902b) *Der moderne Kapitalismus. Zweiter Band. Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. Mit Registern über Band I. und II.*, Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1911) *Technik und Kultur. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXXIII*, Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 305–347.
- Sombart W. (1916) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 1: Die vorkapitalistische Wirtschaft*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1917) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 2: Das europäische Wirtschaftsleben im Zeitalter des Frühkapitalismus*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1927) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 3: Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1922) *Luxus und Kapitalismus. 2. Aufl.*, München und Leipzig: Duncker & Humblot.

- Sombart W. (1934) *Deutscher Sozialismus*, Berlin-Charlottenburg: Buchholz & Weisswange.
- Sombart W. (1969a) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Erster Band: Einleitung — Die vorkapitalistische Wirtschaft — Die historischen Grundlagen des modernen Kapitalismus*, Berlin: Duncker & Humblot (unveränderter Nachdruck der 2. Auflage 1916).
- Sombart W. (1969b) Technik und Kultur. *Verhandlungen des 1. Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910 in Frankfurt am Main*, Frankfurt am Main: Sauer u. Auvermann, S. 63–83.
- Zombart V. (1904) *Sovremennyj kapitalizm*. 2 tt. [Modern capitalism. In 2 vols.]. Vol. 1 (transl. from Germ., eds. V. A. Bazarov and I. Stepanov), Moscow: S. Skirmunt Publishing.
- Zombart V. (1905) *Sovremennyj kapitalizm*. 2 tt. [Modern capitalism]. Vol. 2 (transl. from Germ., eds. V. A. Bazarov and I. Stepanov), Moscow: S. Skirmunt Publishing.
- Zombart V. (1930a) *Sovremennyj kapitalizm*. [Modern capitalism]. Vol. 3, first half volume (transl. from Germ., ed. V. A. Bazarov), Moscow-Leningrad: State publishing house, printing house of the Gosizdat “Red Proletary”.
- Zombart V. (1930b) *Sovremennyj kapitalizm*. [Modern capitalism]. Vol. 3, second half volume (transl. from Germ., ed. V. A. Bazarov), Moscow-Leningrad: State publishing house, printing house of the Gosizdat “Red Proletary”.
- Zombart V. (1917) *Ljubov', roskosh' i kapitalizm* [Love, luxury and capitalism] (abbrev. transl. from Germ. By N. I. Suvirov), Petrograd: Blago.
- Zombart V. (1994) *Burzhua. Etjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka* [The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man] (transl. from. Germ. By Yu. N. Davydov and V. V. Sapov), Moscow: Nauka.
- Zombart V. (2005a) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 1: Burzhua: k istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka*. (The Collected Works in 3 vols. Vol. 1: The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Zombart V. (2005b) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 2: Torgashi i geroi. Evrei i ekonomika* [The Collected Works in 3 vols. Vol. 2: Traders and heroes. Jews and the economy] (transl. from Germ. by D. V. Kuznitsyn and A. P. Shurbelev), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Zombart V. (2008) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 3: Issledovanija po istorii razvitija sovremennogo kapitalizma. Roskosh' i kapitalizm. Vojna i kapitalizm* [The Collected Works in 3 vols. Vol. 3: On the history of the development of modern capitalism. Luxury and capitalism. War and capitalism] (transl. from Germ. by D. V. Kuznitsyn), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Veber M. (1990) *Protestantskaja etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedenija* [The Selected Works] (trans. and ed. by Yu. Davydov), Moscow: Progress.